

МОВА СЕЦІВА: ДИСКУРС БАЙНЕТА И БЕЛОРУССКИЙ NETSPEAK

М. А. МОЖЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Доказывается, что современное интернет-пространство задает принципиально новую среду коммуникации (социальные сети, чаты и т. д.), возможности которой выступают триггером языковых трансформаций. Именно язык интернет-коммуникации сегодня является тем полем, где наиболее активно формируются новые тенденции языкового развития. Отмечается, что функционирование языка в интернете обуславливает возникновение новых феноменов. Интернет-дискурс порождает широкое использование массовых аббревиаций, неологизмов (в том числе игровых), акронимов, бэкронимов, синграфемы, супраграфемы, межязыковых гибридов, новых инструментов выражения субъект-субъектных отношений (например, формул вежливости) и др. Обосновывается мысль о том, что эти тенденции ставят новые проблемы как перед лингвистикой, так и перед философией языка. Показано, что в контексте интернет-коммуникации размывается классическая дихотомия устной и письменной форм языка: с одной стороны, в чатах и на форумах язык формально представлен письменными текстами, с другой – интерактивные диалоги фактически задают живое одномоментное общение, позволяющее высказаться одновременно, перебить собеседника, мгновенно отреагировать и т. д., что свойственно именно устной речи. Делается вывод о том, что если до сих пор главным презентантом языка в культуре однозначно выступала художественная литература как воплощающая в себе установленную норму языка, то сегодня на передний план выходят языковые практики (узус), которые отражают формирующиеся здесь и сейчас тренды языковой эволюции, что задает новую акцентуацию в современной культуре, а именно превалирование дескриптивной лингвистики над прескриптивной.

Ключевые слова: интернет-коммуникация; интернет-язык; письменный язык; устная речь; корпус языка; аббревиации; неологизмы; акронимы; бэкронимы; синграфема; супраграфема; межязыковые гибриды; литературная норма; языковой узус; репрезентация языка в культуре.

LANGUAGE OF WEB: BYNET DISCOURSE AND BELARUSIAN NETSPEAK

М. А. MOJEIKO^a

^aBelarusian State University of Culture and Arts, 17 Rabkorawskaja Street, Minsk 220007, Belarus

It is proved that the modern Internet space creates a fundamentally new communication environment (social networks, chats, etc.), the capabilities of which, in turn, act as a trigger for linguistic transformations. It is the language of Internet communications that is today the field where new trends in language development are most actively formed. The functioning of the language in the network gives rise to a number of new phenomena. So, Internet discourse gives rise to such phenomena as massive abbreviations and an abundance of neologisms (including game ones), acronyms and backronyms, syngrahe-mics and supragrahemics, interlanguage hybrids, new tools for expressing subject-subject relations (formulas of politeness,

Образец цитирования:

Можейко МА. Мова сеціва: дискурс байнета и белорусский netspeak. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022;1:71–79.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-71-79>

For citation:

Mojeiko MA. Language of web: bynet discourse and Belarusian netspeak. Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2022;1:71–79. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-71-79>

Автор:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин факультета информационно-документных коммуникаций.

Author:

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of social and humanitarian disciplines, faculty of information and document communications.
marina-mojeiko@yandex.by

for example) and many others. This poses new problems for both linguistics and philosophy of language. For example, it is shown that in the context of Internet communications, the classic dichotomy of verbal speech and written forms of language is blurred: on the one hand, in chats and forums, the language is formally represented by written texts, on the other – interactive dialogues actually set living one-time communication, which allows one to speak simultaneously, interrupt the interlocutor, respond immediately, etc., and all these are characteristic of verbal speech. It is concluded that if until now the main presenter of language in culture has clearly been fiction as embodying the established norm of the correct language, then today language practices (usus) come to the fore, reflecting the trends of linguistic evolution that are forming in the present continuous, that sets a new accentuation in modern culture, namely the prevalence of descriptive linguistics over prescriptive.

Keywords: Internet communication; web language; written language; verbal speech; language corpus; abbreviations; neologisms; acronyms; backronyms; syngraphemics; supragraphemics; interlanguage hybrids; literary norm; linguistic usus; representation of language in culture.

Одной из интереснейших сфер для изучения развития современного белорусского языка является интернет. Значимость его появления для развития языка филологи сравнивают со значимостью изобретения печатного станка И. Гуттенбергом [1]. По формулировке А. А. Атабековой, сегодня интернет-коммуникации становятся *Signum Temporis* (лат. «знамение времени») и именно в этом качестве аккумулируют в себе разнообразие разговорных практик [2]. Интернет создает принципиально новую коммуникативную среду – «унікальнае месца рэалізацыі мовы, якое не мае аналагаў у мінулым» [3, с. 206]. Можно сказать, появление интернета в нашей жизни привело к созданию не только сетевой культуры, но и «сеткавай мовы», которые фактически обслуживают «новы сегмент сацыяльнай рэальнасці» [3, с. 199]. И, что важно, «папулярнасць беларускай мовы як у байнэце, так і ў нясеткавым асяроддзі відавочна павялічваецца, асабліва сярод моладзі» [4, с. 106].

Существенные трансформации происходят во всех языках, представленных в интернете. Ряд исследователей (И. Фьорентини, Дж. Марино, К. Ланкшир, М. Нобель и др.) говорят даже о формировании в современной культуре такого феномена, как новая грамотность¹ [5–7], а Р. Купианен – о возникновении цифровой грамотности [8]. Международное академическое издательство *Peter Lang* выпускает серию исследований, посвященных новой грамотности и цифровым эпистемологиям².

Дж. Пандья исследует процессы развития новой грамотности в контексте двуязычия [9]. Используются также демографически маркированные термины. М. К. Хагуд дифференцированно рассматривает практики новой грамотности применительно

к различным возрастным группам [10], некоторые авторы выделяют подростковую интернет-грамотность [11]. Дж. Уонер анализирует новую подростковую грамотность в мобильной коммуникации [12]. Ряд исследователей связывают новую грамотность непосредственно с образовательными перспективами³ [14; 15]. И. Фьорентини и Дж. Марино рассматривают влияние на язык интернет-феноменов как внеязыковых факторов, способствующих появлению языковых инноваций [6].

Белорусского языка это касается самым непосредственным образом. Как показывает статистика, из всех языков мира только 3,6 % практикуются в интернете; их можно разделить на три группы: те, которые представлены в интернете очень широко, те, которые представлены довольно широко, и те, которые используются весьма ограниченно; белорусский язык, как и итальянский, относится ко второй группе⁴.

Мы традиционно привыкли считать главным репрезентантом любого национального языка литературный язык. Соответственно, применительно к белорусскому языку его «галоўным рэпрэзэнтантам... доўгі час была і застаецца мастацкая літаратура» [16, с. 86], хотя функциональные формы бытования языка бесконечно более разнообразны [17, с. 53–68, 124–148]. Как писал в свое время Л. В. Щерба, «литературный язык всех времен и народов никогда не совпадал с обыденным разговорным языком и всегда являлся в той или иной мере иностранным» [18, с. 315].

Эволюция языка, как и любая эволюция, процесс сколь естественный, столь же и неизбежный. Э. Хауген отмечает «тот факт, что каждый человек должен учить язык с азов и при этом никогда не вы-

¹Под этим термином понимается не компьютерная грамотность, а новые языковые практики, оформляющиеся в интернет-пространстве (очень точен белорусский термин «новая пісьмённасць»).

²New Literacies And Digital Epistemologies [Electronic resource]. URL: https://www.ebooks.com/en-by/series/new-literacies-and-digital-epistemologies/?_c=1 (date of access: 21.11.2021).

³Нельзя не отметить, что, увязывая реалии новой грамотности с процессами формирования идентичности, критического понимания мира и выстраивания коммуникаций, А. Люк усматривает иронию и противоречие в том, что эти процессы, составляющие ядро выживания молодых людей в их сетевых сообществах, весьма сложно адаптировать к школьным правилам и структурам [13, р. XI].

⁴Аляксандр Лукашанец: на пашырэнне ўжывання беларускай мовы значна ўплывае інтэрнэт // Беларусь сегодня [Электронны рэсурс]. URL: <https://www.sb.by/articles/alyaksandr-lukashanets-na-pashyrenne-zhyvannya-belaruskay-movy-znachna-plyvae-internet.html> (дата звароту: 22.10.2021).

учивает в точности тот язык, на котором говорят его учителя» [19, с. 445]. Аналогичное замечание делает В. А. Плунгян в одном из интервью: «Наши дети никогда не усваивают язык в том виде, в каком мы его передаем. Они всегда говорят не так, как мы, а наши внуки – не так, как наши дети; изменения накапливаются и язык становится другим»⁵.

Поскольку время не стоит на месте, появляются новые формы презентации языковых практик, которые оказываются значимыми для развития языка. Как отмечает И. В. Совпель, «у сувязі з тым, што камп'ютары і камп'ютарныя сеткі сталі сёння асноўным інструментам захавання, апрацоўкі і распаўсюджвання інфармацыі, прадстаўленай у выглядзе тэкставых дакументаў, большасць моў, у тым ліку і беларуская, атрымалі камп'ютарную форму свайго існавання»⁶ [20, с. 7]. Тем самым, по оценке С. А. Важника, в плане презентации языка в современной культуре «да мастацкай літаратуры далучыўся і інтэрнэт – яшчэ адзін канал камунікацыі, дзякуючы якому адбываецца пашырэнне аб'ёму камунікацыйнага прызначэння беларускай мовы» [16, с. 86].

Нельзя не отметить, что задолго до появления интернета, еще в первой половине XX в., структурная лингвистика (в частности, пражская лингвистическая школа), развивая сосюрговскую дифференциацию языка и речи (не столько опираясь на нее, сколько отталкиваясь от нее), показала, что языковая практика коммуникации преследует цели, выходящие за пределы номинации и сигнификации, а значит, следует различать литературный язык как утвержденную норму и как узус (от лат. *usus* «употребление»), речевой обычай, практику употребления слов и выражений [21; 22]. Почти 100 лет назад классик языкознания Л. В. Щерба, которого никак нельзя заподозрить в пренебрежении канонами литературного языка, писал тем не менее, что «при рассмотрении языковых вопросов мы должны руководствоваться не искусственной книжной речью⁷, а обыкновенным разговорным языком, перед которым первая является почти что величиной исчезающей»⁸ [23, с. 100].

Сегодня интернет – значимое пространство развития разговорного языка. Очевидно, что он породил принципиально новые формы коммуникации (общение в социальных сетях, на форумах и в чатах, тексты в мессенджерах, комментарии

в блогах и т. д.), и это не может не отразиться на языке как на коммуникативном инструменте. Так, Н. Г. Баламут отмечает, что «інтэрнэт, як спецыяльнае камунікатыўнае асяроддзе, паспрыяў з'яўленню новых формаў стасункаў, а таксама новых формаў існавання мовы» [24, с. 24].

Язык интернета называют и *netspeak*, и *netlingvo*, и *e-talk*, и (по аналогии с *English*) *weblish*⁹ [3, с. 200]. Терминология еще не устоялась, но предмет понятен: речь идет именно о языке коммуникации, а не о выложенных в интернет завершенных текстах (художественных произведениях или энциклопедиях). В отношении подобных текстов тоже можно обнаруживать новое и интересное: например, характер интертекстуальности и новые способы ее реализации, возможность свободного выбора навигации (а благодаря этому и бесконечную вариативность процедуры чтения), что также имеет значение для развития языка. И все же там используется письменный язык, особый, но письменный. И он, разумеется, нуждается в анализе. Хотя в отношении блогосферы, которая предполагает посты в виде текстов, организованных как письменные, Н. Г. Колесник отмечает тенденцию, близкую к описанной: «организация гипертекста является во многом отражением организации устной беседы, в которой принимают участие несколько человек, только в интернет-беседе число участников может быть на порядок больше, так же, как и число обсуждаемых тем» [25, с. 377].

В любом национальном языке возникает ряд новых аспектов, оформившихся именно благодаря его функционированию в интернете. Так, например, не просто определить статус языка в рамках стандартной для него дихотомии «письменный – устный». Действительно, сложившийся в интернет-пространстве вариант языковой практики «нелёга звесці ні да вуснай, ні да пісьмовай формы» [20, с. 7]. С одной стороны, в чатах, на форумах и в социальных сетях язык представлен вроде бы письменными текстами, но с другой – интерактивные интернет-диалоги разительно отличаются от обмена письмами в традиционном понимании последних (неважно, посредством голубей, почтового дилижанса или королевской почты). Фактически мы имеем живое одномоментное общение, предполагающее возможность сказать что-то одновременно, перебить собеседника, мгновенно отреагировать на реплику, что свойственно именно устной речи. По оценке

⁵Владимир Плунгян: мир теряет языки // *Garvard Bus. Rev.* [Электронный ресурс]. URL: <https://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/a11340> (дата обращения: 25.10.2021).

⁶Разумеется, языковые трансформации имеют место и в иных сферах цифровой коммуникации (язык всевозможных мессенджеров, СМС и др.).

⁷Но и книжная речь, конечно, тоже развивается: во-первых, книжный язык не изолирован от влияний; во-вторых, нельзя не признать, что и в рамках литературного языка авторы художественных произведений создают неологизмы и могут деформировать канон во имя достижения большей выразительности, языковой характеристики персонажей и т. д.

⁸Нас тоже пугают последние слова цитаты. Но это слова великого Л. В. Щербы – классика языкознания.

⁹Живая мова беларускага сёціва // ПРАВАПИС•ОРГ [Электронный ресурс]. URL: https://pravapis.org.dyskurs.be/articles/art_netspeak/ (дата взароту: 25.10.2021).

лингвистов, «в такого рода текстах мы имеем дело фактически со спонтанным письменным самовыражением, дающим очень своеобразный гибридный устный и письменный речи» [26, с. 10].

Применительно к белорусскому языку Н. Г. Баламут делает вывод о том, что «карысна... было б адзначыць з’яўленне новага функцыянальнага стылю беларускай мовы – стылю інтэрнэт-камунікацыі, альбо *пісьмовай гутарковай мовы*» (курсив наш. – М. М.) [24, с. 24].

Этот новый феномен открывает для филологов новые исследовательские возможности: те тенденции в развитии языка, которые намечаются в устной речи, как правило, мало открыты для анализа, во-первых, в силу мимолетной ситуативности (слово не воробей, как известно, и ретроспективно лингвисту его никак не поймать), и во-вторых, в силу того, что в целенаправленно моделируемой ситуации сбора материала (под аудиозапись или в присутствии конспектирующего эксперта) живая беседа тут же перестает быть живой, устная речь деформируется. В этом контексте лингвисты говорят даже о парадоксе наблюдателя, возникающем на основе противоречия «между стремлением исследователя получить данные о повседневно-бытовой речи людей, предполагающим систематическое наблюдение», и изначальной ущербностью («недостатком») этого наблюдения, «приводящего к результатам, противоположным поставленной цели и заключающимся в стремлении информантов в условиях наблюдения стремиться к корректной речи, соответствующей литературному стандарту» [27].

Между тем реплики в чатах и интернет-комментарии, фактически фиксирующие на письме устную речь, полностью снимают оба этих затрудняющих обстоятельства. Кроме того, такой анализ существенно повышает степень достоверности выводов, так как «в отличие от ситуации опроса, где по разным причинам респондент может стесняться выражать свое реальное отношение к исследуемому вопросу, в интернет-дискуссиях в нормальной ситуации комментаторы выражают свое истинное мнение» [28, с. 66–67].

Столь же интересен (и неоднозначен) вопрос о соотношении белорусского языка интернет-коммуникации и белорусского языка вообще (понятно, что этот вопрос актуален для анализа любого национального языка). Некоторые исследователи полагают, что сегодня мы являемся свидетелями «народзінаў новага дыялекту»¹⁰, в то время как другие (и это убедительнее) считают, что «беларуская мова ў інтэрнэце – гэта не дыялект ці гаворка, таксама няма падстаў лічыць яе сацыялектам» [24, с. 24]. Разумеется, интернет-язык – это никак не арг, хотя

такие интерпретации и встречаются в литературе [29], и уж никак не совокупность индивидуальных (точечных) идиолектов. Л. Ю. Иванов полагает, что язык интернета можно считать функциональной разновидностью национального языка [30]. И, действительно, исследователи жанров виртуальной коммуникации полагают, что развитие жанровой системы интернет-коммуникации и возникновение в ее рамках новых жанров являются «одним из сигналов возникновения нового речевого сообщества с новой коммуникативной практикой» [31, с. 26], что отражает расширение жанровой палитры языка как такового. В целом, надо признать, статус интернет-языка (как и интернет-язык вообще) – это нечто новое, чему еще надлежит стать предметом более пристального изучения. По оценке экспертов, «этим электронная коммуникация и привлекательна для лингвистов: какие-то языковые явления встречаются только или преимущественно в данных текстах» [26, с. 10].

Сеть открывает новые возможности изучения тенденций развития языка: филологи оценивают возможность лингвистики интернета, направленной на изучение речевых практик в интернете, как нового перспективного направления языкознания [31, с. 22], причем «гэты навуковы кірунак інтэграцыйнага тыпу павінен спалучаць падыходы і метадалогію розных лінгвістычных дысцыплін: сацыялінгвістыкі, псіхалінгвістыкі, лінгвістыкі тэксту, – фарміруючы пры гэтым і свой уласны даследчы інструментарый» [3, с. 207]. В частности, «у социолингвистов в дополнение к традиционным способам получения сведений об отношении к языкам в обществе добавился еще один: речь идет об анализе коммуникации в интернете» [28, с. 66–67].

Более того, масштабность вербальной сетевой коммуникации позволяет посмотреть на интернет как на готовый корпус языка, который может играть роль «экспериментальной площадки для корпусных исследований» [32, с. 29].

Собственно, язык интернета фактически можно интерпретировать как корпус языка, пусть в специфической (разговорной) версии, зато взятой в непосредственном развитии. На форумах, в сетях и чатах имеет место живой разговор, не зажатый «у строгія рамкі “правільнай” мовы»¹¹. Интернет и задает, и в результате представляет собой коммуникативное пространство, где языковые практики реализуются наиболее естественно. Как пишет С. А. Важник, «у інтэрнэце беларуская мова пачуваецца досыць вольна і гнутка» [16, с. 86].

И надо сказать, что *netspeak* как говорение/письмо в интернете демонстрирует много нового: «беларуская мова ў жывым анлайне досыць далёкая ад стандартаў літаратурнай мовы Купа-

¹⁰Жывая мова беларускага сёцтва // ПРАБАПІС•ORG...

¹¹Там жа.

лы ці Багдановіча»¹². Это общая тенденция: точно так же «на расійскіх чатах мова вельмі далёкая ад пушкінскай ці тургенеўскай»¹³. Так что, с одной стороны, языковая коммуникация «выходзіць на якасна новы ўзровень», а с другой – «мова беларускага *netspeak* досыць далёкая ад літаратурнага стандарту» [16, с. 85–86].

Стандарт задает рамки, но, как отмечает Н. Г. Баламут, «беларуская мова, як і любая іншая мова, не можа быць звездзена толькі да літаратурнага стандарту», именно в виртуальном пространстве «...яна характарызуецца гнуткасцю і аддаленасцю ад літаратурных норм, што робіць яе больш жывой. Існуе тэндэнцыя да разбурэння афіцыйных нормаў і замены іх інавацыйнымі варыянтамі, адбываецца інтэнсіўнае папаўненне слоўнікавага складу мовы праз запазычанні і ўласныя словаўтварэнні, адны намінацыі адзінкі актыўна замяняюць іншыя, паралельна функцыянуюць дублетныя найменні. Інтэрнэт – гэта тая сфера, дзе паспяхова выкарыстоўваюцца самыя розныя варыянты нацыянальнай беларускай мовы» [24, с. 24]. И, несмотря на это, мы, работая в интернете, как отмечает С. Шупа, «нейкім чынам усё называем і пры гэтым разумеам адзін аднаго» [33]. С. А. Важник полагает, что это соответствует общей тенденции бытия современного белорусского литературного языка: «спецыфіка, унікальнасць беларускай мовы – у яе сінкратызме» [16, с. 86].

В силу сказанного изучение языка интернета, понятого в качестве языкового корпуса, чрезвычайно перспективно (например, в вопросе языковой динамики), поскольку, как отмечает Л. Р. Зиндер, устная (разговорная) форма языка изменяется гораздо быстрее, чем письменная, она изменяется спонтанно, в то время как в орфографическую норму изменения вносятся «только тогда, когда противоречие между написанием и произношением становится очевидным» [34, с. 23]. По этой причине в языках с длительной письменной традицией, по оценке экспертов, часто сохраняются версии написания, не оправданные современным состоянием языка [35]. Таким образом, корпус интернет-текстов дает большие возможности для перспективного изучения тенденций.

Даже отдельные сегменты интернет-пространства могут рассматриваться как вполне репрезентативный в рамках конкретной задачи корпус языка.

Так, М. Запавинья моделирует процессы формирования идентичности в интернете посредством языковых инструментов, рассматривая в качестве корпуса тексты Твиттера [36]. Интернет выступает фактически в виде корпуса языка в исследовании А. А. Соминим комментарием к материалам интернет-СМИ [28, с. 62–86]. Автор отмечает, что анализ таковых «позволяет получить информацию... ранее доступную лишь через опросы» [28, с. 62]. В качестве языкового корпуса рассматривает белорусский язык интернета и С. А. Важник, который, исследуя проявления национальной языковой самоидентификации в интернете, строит типологию трансформаций на основании такого критерия, как название значка @: русскоязычная традиция именования – *собака*, польскоязычная – *małpa*, белорусская – *слімак* [37].

В целом к тенденциям, намечающимся в *netspeak*, стоит присмотреться: фактически «беларускамоўны інтэрнэт ужо з’яўляецца крыніцай адлюстравання і фарміравання беларускага маўлення» [32, с. 29], и в этом плане «беларускі інтэрнэт – гэта, па сутнасці, лакмусавая паперка (люстэрка) той моўнай сітуацыі, што мае месца ў сучаснай Беларусі» [16, с. 80].

По наблюдениям К. А. Беловой, «беларуская мова байнэту прадстаўлена трыма асноўнымі алфавітнымі варыянтамі (парадак прадстаўлення алфавітаў адлюстроўвае перавагі ў іх выкарыстанні): а) беларуская кірыліца... б) лацінская транслітарацыя беларускай кірыліцы; в) беларуская лацінка» [4, с. 106–107].

Исследователи отмечают, что белорусский *netspeak* («мову сеціва») характеризуют следующие тенденции (учитывая сказанное, они относятся и к языку в целом):

- изменение статуса языковых форм вежливости¹⁴;
- метафорические переносы семантики (модем – *светофор*),
- лавинообразная аббревиация (*keyboard* – *kbd*, *please* – *плз*);
- усечение слов (программа – *прога*);
- замена слов по внешнему созвучию (*e-mail* – *мыло*);
- обилие неологизмов (коврик для мышки – *мышедром*);
- появление новых значений даже у неологизмов (*мылиться*, т. е. переписываться, причем необязательно по *e-mail*)¹⁵;

¹²Живая мова беларускага сеціва // ПРАВАПІС•ORG... (Разумеется, мы не имеем в виду письмо *по-олбанске*, которое предполагает нарочитое, игровое искажение языковых структур и правил.)

¹³Там жа.

¹⁴П. Браун и С. К. Левинсон отмечают, что традиционные формы изъяснения вежливости обретают в интернете негативный статус (как проявление далеких отношений), в то время как позитивно воспринимаются формы, ранее считавшиеся фамильярными (трактуются как демонстрация близости) [38, р. 91–210]. М. И. Хазанова, исследуя украинский язык в интернете, отмечает ту же особенность: «поскольку говорящий понимает, что его статус равен статусу других участников, он пренебрегает особыми контактоустанавливающими средствами» [39, с. 351–352].

¹⁵Универсальная тенденция: слово *двушка* изменило десигнат, превратившись из двухкопеечной монеты в двухкомнатную квартиру, аналогично *визитка* – это карточка, а никак не сюртук для визитов. Примеров монбланы.

- межъязыковые гибриды с транслитерацией, префиксацией и суффиксацией¹⁶ (*пиариться, поюзать, залогиниться, htmlка, zipташ* и др.);
- замена слогов и слов буквами¹⁷ и цифрами (*4u* вместо *for you*, *2u2* вместо *to you too*, *gr8* вместо *great*, *b4n* вместо *bye for now*);
- использование англоязычных акронимов (*afaiik – as far as I know*) и русскоязычных бэкронимов (*ВУЗ* в значении *выйти удачно замуж*);
- практикование полонизмов, превышающее их использование вне интернета [24];
- сознательное введение в текст «трасянкизов» [4, с. 107–108; 25];
- применение синграфемы и супраграфемы (пунктуационное и шрифтовое варьирование)¹⁸ [4, с. 108];
- конструирование и контекстное использование игровых неологизмов¹⁹.

Как видим, ярко выражена тенденция «эканоміць час пры наборы тэксту», поскольку «большасць людзей набіраюць тэкст павольней, чым размаўляюць, і жаданне “размаўляць” хутчэй (каб было, як у “рэале”) ёсць цалкам натуральнае» [24]. Очевидно, что возможность реализации этого желания обеспечивается специфическим статусом устного письменного языка, который, с одной стороны, требует набора текста, а с другой – разговорной скорости коммуникации, максимально приближенной к устной.

В свете сказанного можно констатировать, что язык байнета развивается в русле универсальных мировых тенденций и в целом «інтэрнэт-дыскус Беларусі... паўстае як неаднародны лінгвістычны феномен з шэрагам моўных асаблівасцей» [4, с. 109]. Его, безусловно, нужно изучать, тем более что сфера использования белорусского языка в интернете год от года поступательно расширяется.

Библиографические ссылки

1. Леонтович ОА. Компьютерный дискурс: языковая личность в виртуальном мире. В: Карасик ВИ, Слышкин ГТ, редакторы. *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс*. Волгоград: Перемена; 2000. с. 24–31.
2. Атабекова АА. *Лингвистический дизайн web-страниц (сопоставительный анализ языкового оформления англо-и русскоязычных web-страниц)*. Москва: Российский университет дружбы народов; 2003. 202 с.
3. Чахоўскі ГК. Інтэрнэт-маўленне як сродак камунікацыі. У: Прыгодзіч МР, рэдактар. *Беларускае слова: тэрмін і вобраз; зборнік артыкулаў па матэрыялах навуковых чытанняў, прысвечаных памяці прафесара В. П. Краснея; 27 снежня 2017 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БДУ; 2018. с. 199–210.
4. Бялова КА. Моўныя асаблівасці беларускага інтэрнэт-дыскурсу. *Беларуская лінгвістыка*. 2010;65:104–110.
5. Knobel M, Lankshear C, editors. *A new literacies sampler*. Bern: Peter Lang; 2007. 251 p. (New literacies and digital Epistemologies; volume 29).
6. Fiorentini I, Marino G. New literacies and linguistic innovation. The case of Internet memes. In: Kohlberger M, Kloekhorst A, editors. *48th Annual meeting of the societas linguistica Europaea: book of abstracts; 2015 September 2–5; Leiden, Netherlands*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics; 2015. p. 52–53.
7. Knobel M, Lankshear C, editors. *Researching new literacies: design, theory, and data in sociocultural investigation*. Bern: Peter Lang; 2017. 254 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 76).
8. Kupiainen R. *Media and digital literacies in secondary school*. Bern: Peter Lang; 2013. 160 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 59).
9. Pandya JZ. *Exploring critical digital literacy practices: everyday video in a dual language context*. New York: Routledge; 2019. 128 p. (Expanding literacies in education).

¹⁶Здесь работает принцип погружения транслитерированного английского корня в славянскую морфологию. Уместно вспомнить высказанную в рамках пражской лингвистической школы мысль о том, что все языковые изменения детерминированы сложившейся системой языка и вписываются в нее.

¹⁷Нечто подобное было и до интернета, например у А. А. Вознесенского (во времена, когда доллары называли свободно конвертируемой валютой) *МоСКВва* – это валютный город. Но такую формулировку он использует не ради сокращения, а ради языковой игры.

¹⁸Обнаружение экспрессивных возможностей графических особенностей текста сегодня характерно не только для интернета: например, Б. Акунин в романе «Левиафан» использует различные шрифты, характеризующие персонажа, от имени которого ведется соответствующая часть повествования (в тексте японца, например, строки вертикальны, и читать его следует, повернув книгу, в альбомной ориентации).

¹⁹Последние, надо заметить, все чаще выходят за пределы интернета (например, пришедшие из письма *по-олбанске* выражения *аццкий сотона, афтар жжот* и др.). Отношение к этому может быть разным: с одной стороны, отчего бы не поиграть, если забавляет, с другой – игра потому и игра, что четко осознаются границы игрового пространства и реальности, и она хороша до тех пор, пока эти границы не нарушаются. Потому нельзя не обратить внимания на наблюдения А. Амзина и И. Белкина, касающиеся того, что «все идет к тому, что скоро “превед” станет коронным словом при встрече за пределами виртуального пространства». Так что, иронизируя в конце статьи («в нашей редакционной фсе очинь даже любят пейсать на афтарском языке и с большим интуэазмом воспринели новый веток розвития русскава языка» [40]), авторы поднимают, в сущности, серьезную проблему: статус придуманных (искаженных) слов существенно трансформируется, и «некоторые из этих слов, похоже, становятся нормативными: несколько месяцев назад проверка орфографии на Яндекс в ответ на запрос “афтор” стала предлагать более правильное “афтар”» [40]. Последнее несколько пугает. Получается, что программа проверки грамматики научилась, опираясь на прецеденты, и это ставит неожиданный вопрос: если есть прецедентное право, может ли быть прецедентная грамматика?

10. Hagood MC. *New literacies practices: designing literacy learning*. Bern: Peter Lang; 2009. 186 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 37).
11. Alvermann DE, editor. *Adolescents' online literacies: connecting classrooms, digital media, and popular culture*. Bern: Peter Lang; 2016. 232 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 75).
12. Warner J. *Adolescents' new literacies with and through mobile phones*. Bern: Peter Lang; 2017. 198 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 79).
13. Luke A. Foreword. In: Pandya JZ. *Exploring critical digital literacy practices: everyday video in a dual language context*. Milton Park: Routledge; 2019. p. X–XIV (Expanding literacies in education).
14. Lankshear C, Knobel M, editors. *A new literacies reader: educational perspectives*. Bern: Peter Lang; 2013. 384 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 66).
15. Knobel M, Kalman J, editors. *New Literacies and teacher learning: professional development and the digital turn*. Bern: Peter Lang; 2016. 262 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 74).
16. Важнік С. Беларуская мова ў інтэрнэце. *Acta Neophilologica*. 2006;8:79–89.
17. Аврорин ВА. Проблемы изучения функциональной стороны языка: к вопросу о предмете социолингвистики. Ленинград: Наука; 1975. 274 с.
18. Щерба ЛВ. К вопросу о двуязычии. В: Щерба ЛВ. *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград: Наука; 1974. с. 313–318.
19. Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование. В: Чемоданов НС, редактор. *Новое в лингвистике. Выпуск VII. Социолингвистика*. Москва: Прогресс; 1975. с. 441–472.
20. Совпель ИВ. Лингвистические ресурсы белорусского языка и их приложения. У: Кручкоў С, складальнік. *Беларуская мова, інтэрнет і камп'ютэр: матэрыялы круглага стала міжнароднага сімпозіума «Разнастайнасць моў і культур у кантэксце глабалізацыі»; 20 мая 2002 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Беларускі сацыяльна-экалагічны саюз «Чарнобыль»; 2002. с. 7–15.
21. Вахек Й, Дубский Й. *Лингвистический словарь Пражской школы*. Москва: Прогресс; 1964. 352 с.
22. Коржинек ЙМ. К вопросу о языке и речи. В: Кондрашов НА, редактор-составитель. *Пражский лингвистический кружок: сборник статей*. Москва: Прогресс; 1967. с. 317–324.
23. Щерба ЛВ. О дальние неделимые единицах языка: из лингвистического наследия Л. В. Щербы. *Вопросы языкознания*. 1962;2:99–101.
24. Баламут НГ. Мова беларускай інтэрнэт-прасторы. У: Міхневіч АЯ, рэдактар. *Працы кафедры сучаснай беларускай мовы. Выпуск 12*. Мінск: Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы; 2013. с. 20–25.
25. Колесник НГ. Новые тенденции в развитии функциональных стилей в русском языке (на материале языка блогосферы). В: Биткеева АН, Михальченко ВЮ, редакторы. *Международная конференция «Языковая политика и языковые конфликты в современном мире»; 16–19 сентября 2014 г.; Москва, Россия*. Москва: Институт языкознания РАН; 2014. с. 375–384.
26. Плунгян ВА. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение. В: Плунгян ВА, редактор. *Национальный корпус русского языка: 2003–2005*. Москва: Индрик; 2005. с. 6–20.
27. Боева-Омелечко НБ. *Парадокс наблюдателя* [Интернет]. 2004 [процитировано 27 октября 2021 г.]. Доступно по: <https://www.psyoffice.ru/6-1068--paradoks-nablyudatelja.htm>.
28. Сомин АА. Языковая рефлексия в современной Беларуси сквозь призму комментариев в интернет-СМИ. *Вестник РГТУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2015;1:62–86.
29. Шейгал ЕИ. Компьютерный жаргон как лингвокультурный феномен. В: Карасик ВИ, редактор. *Языковая личность: культурные концепты*. Волгоград: Перемена; 1996. с. 47–51.
30. Иванов ЛЮ. Язык в электронных средствах коммуникации. В: Иванов ЛЮ, Сковородников АП, Ширяев ЕН, редакторы. *Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник*. Москва: Наука; 2011. с. 791–793. Совместно с издательством «Флинта».
31. Горошко ЕИ. Теоретический анализ интернет-жанров: к описанию проблемной области. В: Дементьев ВВ, редактор. *Жанры речи. Выпуск 5. Жанр и культура*. Саратов: Саратовский национальный исследовательский университет имени Н. Г. Чернышевского; 2007. с. 22–27.
32. Барковіч АА. Беларускі корпус тэкстаў: інтэрнэт-дыскус. *Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2013;2:26–29.
33. Шупа С. *Software localisation in Belarus: беларуская камп'ютарная і інтэрнэтная тэрміналогія* [Інтэрнэт]. 2003 [працытавана 25 кастрычніка 2021 г.]. Даступна па: http://pravapis.org/art_software_localization.asp.
34. Зиндер ЛР. Введение в теорию письма. В: Герд АС, редактор. *Прикладное языкознание*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет; 1996. с. 15–25.
35. Овчинникова ИГ. *Характеристика принципов русской орфографии с позиций речевой деятельности* [Интернет; процитировано 25 октября 2021 г.]. Доступно по: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_4_79.
36. Zappavigna M. *Discourse of Twitter and social media: how we use language to create affiliation on the web*. London: Bloomsbury Publishing PLC – Continuum; 2012. 240 p. (Continuum discourse; book 6).
37. Важнік СА. *Тры стыхіі байнэта, або праява нацыянальнай моўнай самаідэнтыфікацыі*. Мінск: Права і эканоміка; 2007. 55 с.
38. Brown P, Levinson SC. Politeness. *Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press; 1987. 345 p. (Studies in interactional sociolinguistics; issue 4).
39. Хазанова МИ. Некоторые особенности украинского языка в интернете: проблема вежливости. В: Журавлёв АФ, Ананьева НЕ, редакторы. *Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна: тезисы докладов Международной научной конференции; 15–17 марта 2011 г.; Москва, Россия*. Москва: Институт славяноведения РАН; 2011. с. 350–352.
40. Амзин А, Белкин И. Полный перевод. *Интернет-сленг все чаще выходит за пределы виртуального пространства* [Интернет]. 2006 [процитировано 20 октября 2021 г.]. Доступно по: <https://lenta.ru/articles/2006/02/28/preved/>.

References

1. Leontovich OA. [Computer discourse: linguistic personality in the virtual world]. In: Karasik VI, Slyshkin GG, editors. *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs* [Linguistic personality: institutional and personal discourse]. Volgograd: Peremena; 2000. p. 24–31. Russian.
2. Atabekova AA. *Lingvisticheskii dizain web-stranits (sopostavitel'nyi analiz yazykovogo oformleniya anglo- i russkoyazychnykh web-stranits)* [Linguistic design of web-pages (comparative analysis of the language design of English- and Russian-language web-pages)]. Moscow: RUDN University; 2003. 202 p. Russian.
3. Chahowski GK. [Internet speech as a means of communication]. In: Prygodzich MR, editor. *Belaruskae slova: tjermin i vobraz; zbornik artykulaw pa matjeryjalah navukovyh chytannjajaw, prysvechanyh pamjaci prafesara V. P. Krasneja; 27 snezhnja 2017 g.; Minsk, Belarus'* [Belarusian word: term and image; a collection of articles on the materials of scientific readings dedicated to the memory of Professor V. P. Krasney; 2017 December 27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018 p. 119–210. Belarusian.
4. Bjaloja KA. [Linguistic features of the Belarusian Internet discourse]. *Belaruskaja lingvistyka*. 2010;65:104–110. Belarusian.
5. Knobel M, Lankshear C, editors. *A new literacies sampler*. Bern: Peter Lang; 2007. 251 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 29).
6. Fiorentini I, Marino G. New literacies and linguistic innovation. The case of Internet memes. In: Kohlberger M, Kloekhorst A, editors. *48th Annual meeting of the societas linguistica Europaea: book of abstracts; 2015 September 2–5; Leiden, Netherlands*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics; 2015. p. 52–53.
7. Knobel M, Lankshear C, editors. *Researching new literacies: design, theory, and data in sociocultural investigation*. Bern: Peter Lang; 2017. 254 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 76).
8. Kupiainen R. *Media and digital literacies in secondary school*. Bern: Peter Lang; 2013. 160 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 59).
9. Pandya JZ. *Exploring critical digital literacy practices: everyday video in a dual language context*. New York: Routledge; 2019. 128 p. (Expanding literacies in education).
10. Hagood MC. *New literacies practices: designing literacy learning*. Bern: Peter Lang; 2009. 186 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 37).
11. Alvermann DE, editor. *Adolescents' online literacies: connecting classrooms, digital media, and popular culture*. Bern: Peter Lang; 2016. 232 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 75).
12. Warner J. *Adolescents' new literacies with and through mobile phones*. Bern: Peter Lang; 2017. 198 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 79).
13. Luke A. Foreword. In: Pandya JZ. *Exploring critical digital literacy practices: everyday video in a dual language context*. Milton Park: Routledge; 2019. p. X–XIV (Expanding literacies in education).
14. Lankshear C, Knobel M, editors. *A new literacies reader: educational perspectives*. Bern: Peter Lang; 2013. 384 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 66).
15. Knobel M, Kalman J, editors. *New Literacies and teacher learning: professional development and the digital turn*. Bern: Peter Lang; 2016. 262 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 74).
16. Vazhnik S. [Belarusian language on the Internet]. *Acta Neophilologica*. 2006;8:79–89. Belarusian.
17. Avrorin VA. *Problemy izucheniya funkcional'noi storony yazyka: k voprosu o predmete sotsiolingvistiki* [Problems of studying the functional side of language: to the question of the subject of sociolinguistics]. Leningrad: Nauka; 1975. 274 p. Russian.
18. Shcherba LV. [On the issue of bilingualism]. In: Shcherba LV. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka; 1974. p. 313–318. Russian.
19. Haugen E. [Linguistics and language planning]. In: Chmodanov NS, editor. *Novoe v lingvistike. Vypusk VII. Sociolingvistika* [New in linguistics. Volume VII. Sociolinguistics]. Moscow: Progress; 1975. p. 441–472. Russian.
20. Sovpel IV. [Linguistic resources of the Belarusian language and their applications]. In: Kruchkow S, compiler. *Belaruskaja mova, intjernet i kamp'jutjer: matjeryjaly kruglaga stala mizhnarodnaga simpoziuma «Raznastajnasc' mow i kul'tur u kantjeksce glabalizacyi»; 20 maja 2002 g.; Minsk, Belarus'* [Belarusian language, the Internet and the computer: materials of the discussion at the international symposium «Diversity of languages and cultures in the context of globalisation»; 2002 May 20; Minsk, Belarus]. Minsk: Belaruski sacyjal'na-jekalagichny sajuz «Charnobyl'; 2002. p. 7–15. Russian.
21. Vakhek I, Dubskii I. *Lingvisticheskii slovar' Prazhskoi shkoly* [Linguistic dictionary of the Prague school]. Moscow: Progress; 1964. 352 c. Russian.
22. Korzhinek YM. [On the question of language and speech]. In: Kondrashov NA, editor-compiler. *Prazhskii lingvisticheskii kruzhok: sbornik statei* [Prague linguistic circle: collection of articles]. Moscow: Progress; 1967. p. 317–324. Russian.
23. Shcherba LV. [About further indivisible units of language: from the linguistic heritage of L. V. Shcherba]. *Questions of linguistics*. 1962;2:99–101. Russian.
24. Balamut NG. [Language of the Belarusian Internet space]. In: Mihnevich AJa, editor. *Pracy kafedry suchasnaj belaruskaj movy. Vypusk 12* [Proceedings of the department of modern Belarusian language. Volume 12]. Minsk: Republican Institute of Higher School; 2013. p. 20–25. Belarusian.
25. Kolesnik NG. [New trends in the development of functional styles in the Russian language (based on the language of the blogosphere)]. In: Bitkeeva AN, Mikhal'chenko VYu, editors. *Mezhdunarodnaya konferentsiya «Yazykovaya politika i yazykovye konflikty v sovremennom mire»; 16–19 sentyabrya 2014 g.; Moskva, Rossiya* [International conference «Language policy and language conflicts in the modern world»; 2014 September 16–19; Moscow, Russia]. Moscow: Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences; 2014. p. 375–384. Russian.
26. Plungyan VA. [For what is the National Corpus of the Russian language needed? Informal introduction]. In: Plungyan VA, editor. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2003–2005* [National corpus of the Russian language: 2003–2005]. Moscow: Indrik; 2005. p. 6–20. Russian.

27. Boeva-Omelechko NB. *The observer's paradox* [Internet]. 2004 [cited 2021 October 10]. Available from: <https://www.psyoffice.ru/6-1068--paradoks-nablyudatelja.htm>. Russian.
28. Somin AA. [Linguistic reflection in modern Belarus through the prism of comments in online media]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 2015;1:62–86. Russian.
29. Sheigal EI. [Computer jargon as a linguocultural phenomenon]. In: Karasik VI, editor. *Yazykovaya lichnost': kul'turnye kontsepty* [Linguistic personality: cultural concepts]. Volgograd: Peremena; 1996. p. 47–51. Russian.
30. Ivanov LYu. [Language in electronic means of communication]. In: Ivanov LYu, Skovorodnikov AP, Shiryaev EN, editors. *Kul'tura russkoi rechi: entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik* [The culture of Russian speech: encyclopedic reference dictionary]. Moscow: Nauka; 2011. p. 791–793. Co-published by the «Flinta». Russian.
31. Goroshko EI. [Theoretical analysis of Internet genres: to the description of the problem area]. In: Dement'ev VV, editor. *Zhanry rechi. Vypusk 5. Zhanr i kul'tura* [Genres of speech. Volume 5. Genre and culture]. Saratov: Saratov State University; 2007. p. 22–27. Russian.
32. Barkovich AA. [Belarusian texts corpus: Internet discourse]. *Vesnik BDU. Seriya 4, Filalogiya. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2013;2:26–29. Belarusian.
33. Shupa S. *Software localisation in Belarus: Belarusian computer and Internet terminology* [Internet]. 2003 [cited 2021 October 25]. Available from: http://pravapis.org/art_software_localization.asp. Belarusian.
34. Zinder LR. [Introduction to the theory of writing]. In: Gerd AS, editor. *Prikladnoe yazykoznanie* [Applied linguistics]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University; 1996. p. 15–25. Russian.
35. Ovchinnikova IG. *Characteristics of the principles of Russian orthography from the standpoint of speech activity* [Internet; cited 2021 October 25]. Available from: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_4_79. Russian.
36. Zappavigna M. *Discourse of Twitter and social media: how we use language to create affiliation on the web*. London: Bloomsbury Publishing PLC – Continuum; 2012. 240 p. (Continuum discourse; book 6).
37. Vazhnik SA. *Try styhii bajnjeta, abo prajava nacyjanal'naj mownaj samaidjentyfikacyi* [Three elements of baynet, or a manifestation of national linguistic self-identification]. Minsk: Prava i jekonomika; 2007. 55 p. Belarusian.
38. Brown P, Levinson SC. *Politeness. Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press; 1987. 345 p. (Studies in interactional sociolinguistics; issue 4).
39. Khazanova MI. [Some features of the Ukrainian language on the Internet: the problem of politeness]. In: Zhuravlev AF, Anan'eva NE, editors. *Sovremennaya slavistika i nauchnoe nasledie S. B. Bernshteina: tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 15–17 marta 2011 g.; Moskva, Rossiya* [Modern Slavic studies and scientific heritage of S. B. Bernstein: abstracts of the International scientific conference; 2011 March 15–17; Moscow, Russia]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; 2011. p. 350–352. Russian.
40. Amzin A, Belkin I. *Full hello. Internet slang is increasingly going beyond the virtual space* [Internet]. 2006 [cited 2021 October 20]. Available from: <https://lenta.ru/articles/2006/02/28/preved/>. Russian.